

янии с православием мусульманская школьная система демонстрировала свою эффективность и популярность в народе благодаря тому, что формировала в воспитанниках твердую религиозную убежденность [Очерки истории... 2001: 72].

Деятельность буддийского духовенства, с одной стороны, способствовала сохранению национальной культуры, с другой — была связана с самым многочисленным слоем привилегированной части населения в Калмыкии. Естественно, что влияние буддийского духовенства на местное население было колоссальным. Российское правительство достаточно трезво оценивало силу калмыцкого духовенства. Царское правительство, местные власти и даже высшие представители православной церкви проводили линию на сотрудничество с высшим калмыцким духовенством, считая это важным фактором общегосударственной политики.

Источники

Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК). Ф. И-9 — Управление калмыцким народом (1836–1917 гг.). Оп. 1, 5.

Литература

Бакаева Э. П. Буддизм в Калмыкии: историко-этнографические очерки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1994. 127 с.
Горохов В. М., Рождественский Б. П. Развитие народного образования в Татарской АССР. Казань:

Татар. ин-т усоверш. учителей, 1958. 80 с.

Иванов А. Е. Высшая школа России в конце XIX — нач. XX вв. М.: Ин-т истории СССР, 1991. 392 с.

История Марийской АССР. Т. 1. Йошкар-Ола: Марий. кн. изд-во, 1986. 300 с.

История Мордовской АССР. Т. 1. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1979. 320 с.

Куриева Г. А. Общество, власть и образование в России в конце XIX — первой половине XX в. (на примере Мордовского края): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Чебоксары, 2007. 50 с.

Львовский Н. Образование при хурулах // Православный благовестник. 1893. № 2. С. 25–29.

Народы Поволжья и Приуралья. Коми-зыряне. Коми-пермяки. Марийцы. Мордва. Удмурты. М.: Наука, 2000. 579 с.

Нефедьев Н. А. Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте. СПб.: Тип. К. Крайя, 1834. 277 с.

Орлова К. В. История христианизации калмыков: середина XVII — начало XX вв. М.: Вост. лит., 2006. 207 с.

Очерки истории образования и педагогической мысли в Мордовском крае (середина XVI — начало XX в.) / Росс. гуман. науч. фонд; МГПИ им. М. Е. Евсевьева; под ред. чл.-корр. РАО Е. Г. Осовского; сост. С. В. Грачев. Саранск: Тип. «Красн. Окт.», 2001. 208 с.

Рашидов Ф. А. История татарского народа. Саратов: Регион. приволжск. изд-во «Детская кн.», 2001. 287 с.

Саматова Ч. Х. Школьная политика самодержавия в отношении татар-мусульман во второй половине XIX — начале XX вв. (на примере Казанского учебного округа): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2010. 27 с.

УДК 347.97 (470.46)«1945»

ББК 67.623

ЧАСТНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО И БОРЬБА ГОСУДАРСТВА С НИМ В 1945-1953 гг. (на материалах Нижнего Поволжья)

С. А. Федин

Поддержка малого и среднего бизнеса является одним из перспективных направлений развития российской экономики в настоящее время. Однако на протяжении десятилетий существования Советского государства частный сектор в экономике рассматривался как враждебная целям социалистического общества структура, которая подлежала ликвидации.

С окончанием Великой Отечественной войны частный сектор как параллельная экономика продолжал процветать, вызывая неудовольствие властей. Как выразился Н. В. Романовский, частник был для госу-

дарства постоянным источником беспокойства (ср.: «„О крупных извращениях в отношении частника...“, „О проникновении частника в кооперацию и предприятия местной промышленности“, — эти постановления властей свидетельство проторыночных настроений и экономических установок отдельных групп и лиц, стимулируемых неспособностью системы на институциональном уровне удовлетворять повседневные запросы людей в продовольствии, одежде, жилье, медицинском обслуживании, городском транспорте и т. д.» [Романовский 1998: 38]).

Обращаться к частнику потребителей заставляли длительные сроки и низкое качество выполнения работ в мастерских артелей промкооперации. Выполнение же заказов частниками производилось быстрее, дешевле и качественнее. Нерегистрируемая деятельность давала возможность обойти уплату налогов, что позволяло им значительно снижать стоимость товаров и услуг по сравнению с промартелями [Чуваев 2009: 197]. В результате многие потребители делали свой выбор в пользу частников.

Сначала прокуратура не видела в их нелегальной деятельности ничего предосудительного. Однако в 1946–1947 гг. Генеральной прокуратурой СССР было направлено в секретариат ЦК ВКП(б) несколько докладных записок о ситуации в кооперации и местной промышленности, где утверждалось, что на предприятиях легкой промышленности, в кооперативной и государственной торговле процветала незаконная частная предпринимательская деятельность. Следовательно, одну из главных причин недостатков в работе указанных учреждений партийные и советские органы увидели в развитии частного предпринимательства.

Борьба с частниками в Нижнем Поволжье началась в ноябре 1947 г. в Саратовской области после приказа Министерства торговли СССР «Об извращениях в торговле и производственной деятельности торговых организаций». В ходе массовых проверок магазинов и ларьков, предприятий общественного питания и бытового обслуживания, организованных главными инспекторами по торговле в г. Саратове и области, были обнаружены случаи «проникновения частников в государственные организации» и использования их в своих интересах [ГАНИ СО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 273. Л. 76–80].

Главными видами частнопредпринимательской деятельности в Саратовской и Астраханской областях считались организация производства на частных квартирах (что позволяло уйти от контроля налоговых служб), допуск частной собственности на основные средства производства и получение в связи с этим дополнительной выручки, применение наемного труда в кооперативах, скупка на рынках фондовых товаров, похищенных с государственных предприятий, перепродажа материалов по повышенным ценам и т. п. [Кузнецова 2002: 118].

В архивах Астраханской области имеется значительное количество материалов, характеризующих частнопредпринимательскую деятельность. Одним из примеров является дело о вскрытых фактах частной практики судостроения. Областной прокуратурой были установлены обстоятельства постройки, ремонта судов и разного инвентаря частными лицами для отдельных предприятий и колхозов. Только частному подрядчику Мартынову с мая 1945 по март 1946 гг. колхозами «Искра», «Кзыл-Казах», рыбозаводом Мосспецторга, Наримановским райдоротделом и другими организациями было выплачено 518 000 рублей за постройку разных судов [ГАСД АО. Ф. 325. Оп. 6. Д. 19. Л. 126].

Строительство и ремонт судов частными подрядчиками производились из материалов, похищенных с государственных предприятий и баз Главснаблеса, Камлесосплава, Касплесрыбтреста и других. Договоры и соглашения, заключенные с частными лицами, заключались в Астраханской городской нотариальной конторе. В результате проверки лица, занимавшиеся частной практикой судостроения, разбазариванием государственных средств и хищением материалов, были привлечены к уголовной ответственности [ГАСД АО. Ф. 325. Оп. 3. Д. 19; Д. 20. Д. 68].

В феврале 1948 г. инспекцией Главного управления кооперации выявлены подобные факты в промышленной кооперации и кооперации инвалидов Астраханской области, о чем немедленно информировали обком ВКП(б). В итоге были привлечены к партийной и административной ответственности руководители трех артелей, а цехи с производством, не предусмотренным уставом, были закрыты [ГАСД АО. Ф. 325. Оп. 5. Д. 5; Д. 83. Л. 52].

Параллельно с Генеральной прокуратурой проводила широкомасштабную проверку Комиссия государственного контроля. По ее мнению, «частник не только возродился из своего тайного бытия, но и настолько обнаглел, что в массовом порядке начал внедряться в разнообразные звенья социалистической экономики. Почти больше половины страны оказалось под тлетворным влиянием дельцов-спекулянтов» [ГАСД АО. Ф. 325. Оп. 5. Д. 5; Д. 83. Л. 52]. Изучив отчет комиссии, многие ответственные работники Министерства финансов предложили легализовать некоторые виды торговли и кустарной промышленности.

После оживленных дебатов правительство сделало выбор в пользу жесткости и репрессий.

В результате появилось Постановление Совета министров СССР от 14 апреля 1948 г. «О проникновении частника в кооперацию и предприятия местной промышленности», где утверждалось, что «в результате политической слепоты, а подчас и сращивания с частниками руководителей проверенных кооперативных организаций, дельцы-спекулянты вступали в артели с принадлежащим им промышленным оборудованием и крупными денежными средствами, превращая артели промысловой кооперации и кооперации инвалидов в лжеартели. Эти средства и оборудование незаконно зачислялись артелями в долгосрочные спецвклады частников, продолжая оставаться их собственностью» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 131. Д. 27. Л. 9–14].

Серьезной критике подверглось Министерство финансов СССР. «Местные финансовые органы часто допускали грубые нарушения в практике выдачи патентов на право осуществления деятельности кооперативных организаций, что облегчало проникновение частников в кооперацию» [Козлова, Мочек 1956].

На «позициях сползания» оказались и органы прокуратуры, которые «во многих случаях не вели борьбы с извращениями советских законов в кооперативных организациях и предприятиях местной промышленности, не привлекали к ответственности руководителей лжеартелей, необоснованно отказывали в возбуждении уголовного дела против частников-спекулянтов и при расследовании дел допускали волокиту» [Козлова, Мочек 1956].

Вскоре после издания Постановления по стране было закрыто около 15 тыс. частных подпольных предприятий, а около 18 500 «предпринимателей» приговорены к заключению в исправительно-трудовые лагеря [Чуваев 2009: 198].

Однако уголовным законодательством наказания по этим новым формам преступной деятельности не были предусмотрены, в связи с чем суды за такого рода деяния применяли либо закон о мошенничестве, либо об ответственности за лжекооперацию. Отсутствие правовых норм об ответственности за указанные деяния отрицательно сказалось на состоянии борьбы с преступлениями такого рода и в значительной степени

способствовало частнопредпринимательской деятельности, совершению хищений и других злоупотреблений.

Исправить этот правовой пробел должно было постановление Пленума Верховного суда СССР от 25 июня 1948 г. «О квалификации преступлений, связанных с проникновением частника в кооперацию и предприятия местной промышленности», где отмечено, что «преступные элементы, лишенные при социалистической системе хозяйства возможности свободно развивать частнопредпринимательскую деятельность, пытаются приравливаться к создавшимся условиям и путем различных комбинаций, облеченных в форму внешней показной законности, предоставить простор своей преступной, хищнической, спекулятивной деятельности» [Козлова, Мочек 1956]. Пленум Верховного суда СССР указывал привлекать лиц, занимавшихся частнопредпринимательской деятельностью под вывеской кооперативных и государственных организаций, к уголовной ответственности по ч. 1 и ч. 2 ст. 129-а Уголовного кодекса (Расхищение государственного или общественного имущества, в частности путем заключения невыгодных сделок, лицом, руководящим государственным или общественным учреждением или предприятием, совершенное по соглашению с контрагентами этих учреждений или предприятий). Она предусматривала лишение свободы на срок не ниже одного года с конфискацией имущества или без таковой. Этим указанием судебные и следственные органы руководствовались до принятия в 1960 г. нового уголовного законодательства.

В течение 2,5 месяцев после принятия постановления Правительства от 14 апреля 1948 г. суды Астраханской области рассмотрели 28 дел о частнопредпринимательской деятельности, приговорив 50 % подсудимых лиц к исправительно-трудовым работам и оправдав остальных [Кузнецова 2002: 117].

Поскольку постановление Правительства выполнялось недостаточно и судебные решения были довольно мягкие, бюро Астраханского обкома ВКП(б) 13 июля 1948 г. потребовало от руководителей кооперативных организаций, местной промышленности, финансовых органов и прокуратуры исправить положение. С этой целью прокуратурой были осуществлены повторные проверки с привлечением спе-

циалистов из управления промкооперации, облместпрома, облфинотдела, работавших в этих системах коммунистов и с участием работников райкомов ВКП(б) и райисполкомов. Итогом этих проверок, охвативших 537 предприятий и артелей из 577, стали новые факты о частном предпринимательстве [ГАСД АО. Ф. 325. Оп. 5. Д. 85. Л. 35, 100]. Аналогичные меры предпринял Саратовский обком партии, уделивший особое внимание проверке работы 339 объектов местной и кооперативной промышленности [ГАНИ СО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 727. Л. 27–28].

В результате проверок с января по сентябрь 1948 г. в народные суды было передано в Астраханской области — 61, а в Саратовской — 70 дел [Кузнецова 2002: 118]. В ряде случаев следственные органы отказывались возбуждать уголовные дела ввиду отсутствия юридических оснований. В обеих областях были заменены отдельные председатели артелей, закрыты частные цехи, надомники переведены на предприятия. По мнению партийных органов, кампания дала возможность в значительной мере очистить промысловую кооперацию и местную промышленность от частнопредпринимательских элементов, повысить трудовую дисциплину, улучшить выполнение производственных планов [ГАСД АО. Ф. 325. Оп. 5. Д. 84. Л. 37; ГАНИ СО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 727. Л. 30]. Фактически же кампания не имела экономического эффекта и носила ярко выраженный политический характер.

В Сталинградской области, где местная и кооперативная промышленность находились в стадии возрождения, факты, подобные вскрытым в соседних областях в 1947–1948 гг., не были обнаружены. Отдельные случаи частнопредприниматель-

ской деятельности были выявлены лишь в 1950 г. в Камышине, Калининском районе и кооперации инвалидов [ЦДНИ ВО. Ф. 113. Оп. 33. Д. 1. Л. 76; Д. 52. Л. 7].

Попытка путем силового воздействия победить частника оказалась безрезультатной (частный уклад в советской экономике нелегально существовал вплоть до перехода к рыночным отношениям на рубеже 1980–1990-х гг.) и негативно отразилась на промысловой кооперации: количество создаваемых артелей резко сократилось. У рядовых граждан стало еще меньше легальных возможностей реализовать идущую снизу экономическую инициативу, играя по установленным государством правилам.

Источники

- Государственный архив новейшей истории Саратовской области (ГАНИ СО).
Государственный архив современной документации Астраханской области (ГАСД АО).
Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).
Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИ ВО).

Литература

- Козлова И. О., Мочек Ю. И. Борьба с хищениями и злоупотреблениями в государственной торговле и кооперации: Сб. док. М.: Изд-во Госюриздат, 1956. 72 с.
Кузнецова Н. В. Восстановление и развитие экономики Нижнего Поволжья в послевоенные годы (1945–1953). Волгоград: Изд-во Волгоград. гос. ун-та, 2002. 292 с.
Романовский Н. В. Наше непредсказуемое прошлое // Россия и современный мир. 1998. № 3(20). С. 35–47.
Чуваев Н. А. Симбиоз и конкуренция: частный кустарь-одиночка и промысловая кооперация в послевоенной экономике Алтая (1945–1953 гг.) // Исторический ежегодник: сб. науч. тр. / Институт истории СО РАН. Новосибирск: Рипэл, 2009. С. 191–202.

УДК 947.084.51

ББК 63.3(2)6

РЫБНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ВОЛГО-КАСПИЙСКОГО БАССЕЙНА В 1918–1991 гг.

(опыт анализа эффективности партийно-государственного руководства отраслью)

С. В. Виноградов

Со времен Октябрьской революции началось мощное вмешательство государства в развитие рыбного хозяйства страны. Новая власть в 1918 г. национализировала рыбные промыслы. Согласно декрету II-го Всероссийского съезда Советов рабочих,

солдатских и крестьянских депутатов «О земле» и декрета ВЦИК от 27 января 1918 г., частная собственность на воды отменялась, и водные угодья передавались в исключительное распоряжение Советской власти [Декрет Второго Всероссийского съезда;